

В вагоне. Ги де Мопассан

Солнце собиралось скрыться за длинным кряжем, над которым возвышался гигантский Пюи-де-Дом, и тень горных вершин уже ложилась на глубокую долину Руайя.

В парке вокруг павильона для музыки прогуливалось несколько человек. Другие все еще сидели группами, несмотря на вечернюю сырость.

В одной из этих групп шел оживленный разговор: беседовали о важном деле, сильно беспокоившем г-жу де Саркань, г-жу де Воласелль и г-жу де Бридуа. Через несколько дней начинались каникулы, и нужно было доставить сюда их сыновей, воспитывавшихся у иезуитов и у доминиканцев.

Предпринять путешествие и привезти лично своих отпрысков ни у одной из этих дам не было ни малейшей охоты, но вместе с тем они не знали ни одного подходящего человека, на которого можно было бы возложить это деликатное поручение. Стояли последние дни июля[1]. Париж уже опустел. Они напрягали память, но не могли вспомнить ни одного имени, которое обеспечило бы им желательные гарантии.

Их беспокойство усугублялось тем, что несколько дней назад в железнодорожном вагоне было совершено преступление против нравственности. И дамы были уверены, что все проститутки столицы проводят свою жизнь в скорых поездах между Лионским вокзалом и Овернью. К тому же, по словам г-на де Бридуа, в хронике Жиль Блас указывалось на присутствие множества широко известных и вовсе неизвестных «девиц» в Виши, Мон-Дор и Бурбуль. Попасты туда они могли только по железной дороге и возвращаться должны были не иначе, как по железной дороге; мало того, чтобы бывать там каждый день, они, наверное, только и делали, что катались взад и вперед. Значит, порочные женщины облюбовали эту злополучную линию для своих непрерывных поездок. Все три дамы выражали сожаление, что подозрительным женщинам не запрещен доступ на вокзалы.

Роже де Саркань было пятнадцать лет, Гонтрану де Воласелль — тринадцать, а Ролану де Бридуа — одиннадцать. Что делать? Не могли же матери подвергать своих милых детей опасности общения с подобными тварями. Чего бы только дети не наслушались, не насмотрелись, чему бы не научились, проведи они целый день или ночь в купе, где могли оказаться одна или две из этих распутниц да еще вдобавок со своими друзьями?

Положение казалось безвыходным, но в эту минуту мимо проходила г-жа де Мартенсек. Она остановилась поздороваться с приятельницами, а те рассказали ей о своих тревогах.

— Но это все очень просто! — воскликнула она. — Я вам уступлю своего аббата. Я вполне могу обойтись без него двое суток. Воспитание Родольфа от этого не пострадает. Он съездит за вашими детьми и привезет их.

Так и было решено, что молодой и образованный аббат Лекюир, воспитатель Родольфа де Мартенсек, отправится на будущей неделе в Париж за тремя юнцами.

Аббат выехал в пятницу, а в воскресенье утром уже находился на Лионском вокзале вместе с тремя мальчиками, собираясь сесть в восьмичасовой курьерский поезд прямого сообщения, всего несколько дней назад введенный в расписание по общему требованию всех, кто ездит на оверньские курорты.

Аббат прогуливался со своими школьниками по дебаркадеру, как насадка с цыплятами, и подыскивал пустое или же занятое почтенными на вид людьми купе, так как голова его была набита подробнейшими наставлениями г-жи де Саркань, г-жи де Воласелль и г-жи де Бридуа.

Вдруг он заметил, что перед одной дверцей стоят пожилой господин и пожилая седовласая дама, разговаривая с другой дамой, уже расположившейся в купе. У старика был офицерский орден Почетного легиона, и вообще эти люди казались в высшей степени порядочными. «Это-то мне и нужно», — подумал аббат. Он велел своим трем питомцам войти и последовал за ними.

Пожилая дама говорила:

— Главное, береги себя, дитя мое.

Молодая отвечала:

— Да, да, мама, не беспокойся.

— Как только почувствуешь себя плохо, вызывай врача.

— Да, да, мама.

— Ну так прощай, детка.

— Прощай, мама.

Начались долгие объятия, потом кондуктор захлопнул все дверцы, и поезд тронулся.

Других пассажиров в купе не оказалось. Аббат был очень доволен, горд своей расторопностью и тут же начал разговор с юношами, вверенными его попечению. В день его отъезда было условлено, что он, с согласия г-жи де Мартенсек, будет репетировать всех трех мальчиков в продолжение вакаций, и ему хотелось ознакомиться со степенью развития и с характерами своих новых воспитанников.

Роже де Саркань, самый старший, был одним из тех худых, бледных и нескладных школьников, которые вытягиваются слишком быстро.

Говорил он медленно и с наивными интонациями.

Гонтран де Воласелль, напротив, был еще мал ростом, коренаст, а по натуре хитрый, скрытный, испорченный мальчишка. Он над всем потешался, употреблял в разговоре выражения, заимствованные у взрослых, и любил двусмысленные словечки, повергавшие в беспокойство его родителей.

Самый младший, Ролан де Бридуа, казалось, не имел ни к чему особых склонностей; это был маленький, добродушный зверек, похожий на своего папашу.

Аббат предупредил их, что они поступают в его распоряжение на оба каникулярных месяца, и прочел им прочувствованную проповедь об их обязанностях по отношению к нему, о правилах, в которых он будет их воспитывать, и педагогических приемах, которые он применит к ним.

Это был честный и простодушный, аббат, немного фразер, начиненный всевозможными системами.

Его речь была прервана глубоким вздохом их спутницы. Он обернулся. Она сидела в углу, уставившись глазами в одну точку; щеки ее слегка побледнели. Аббат снова обратился к своим воспитанникам.

Поезд мчался на всех парах, пересекал равнины, и леса, пробегал по мостам и под мостами, непрерывно сотрясая ряды пассажиров, запертых в его вагонах.

Гонтран де Воласелль расспрашивал теперь аббата Лекюира, какие развлечения возможны в Руайя. Есть ли там река? Можно ли удить рыбу? Будет ли у него лошадь, как в прошлом году? И так далее.

Вдруг молодая женщина как-то странно вскрикнула или охнула, словно от подавленной боли.

Обеспокоенный священник обратился к ней:

— Вы себя плохо чувствуете, сударыня?

Она ответила:

— Нет, нет, господин аббат, пустяки, мне было немножко больно, но теперь ничего. Я не совсем здорова последнее время, и тряска беспокоит меня.

Лицо ее действительно стало мертвенно-бледным.

Аббат настаивал:

— Может быть, вам что-нибудь нужно, сударыня?..

— О, нет, мне ничего не нужно, господин аббат. Благодарю вас.

Священник возобновил беседу с учениками, подготавливая их к будущим занятиям.

Время бежало. Поезд останавливался на станциях и мчался дальше. Теперь молодая женщина, казалось, спала и не шевелилась, забившись в угол. Хотя прошло уже больше половины дня, она ни разу ничего не съела. «Эта особа, наверно, серьезно больна», — подумал аббат.

Когда до Клермон-Феррана оставалось только два часа пути, пассажирка внезапно начала стонать. Она почти повалилась на скамью, опираясь всем телом на руки; глаза ее блуждали, черты лица исказились, она повторяла:

— О господи! О господи!

Аббат бросился к ней:

— Сударыня... сударыня... сударыня, что с вами?

Она пролепетала:

— Мне... мне кажется... что... что я... что у меня... начинаются роды...

И тотчас же принялась отчаянно кричать. Она кричала, как сумасшедшая, протяжный вопль, казалось, раздирал ей горло; это был пронзительный, жуткий вопль, и в его зловещих интонациях слышались душевное смятение и телесная мука.

Бедный священник стоял перед нею, растерявшись, не зная, что делать, что сказать, что предпринять, и лишь шептал:

— Господи, если б я только знал... Господи, если б я только знал!

Он был красен до корней волос, а три его воспитанника в полном недоумении смотрели на эту растянувшуюся на диване, кричащую женщину.

Вдруг она скорчилась, схватившись руками за голову, живот ее как-то странно дрогнул, а по всему телу пробежала конвульсия.

Аббат подумал, что она умирает, что она умирать сейчас на его глазах, лишенная помощи и ухода, по его вине. Тогда он сказал решительным голосом:

— Я помогу вам сударыня. Не знаю, как... но помогу вам, чем сумею. Я обязан помогать каждому страждущему созданию божьему.

И, повернувшись к трем мальчикам, он крикнул:

— А вы извольте высунуть головы в окошко. Кто обернется, тот переписет мне тысячу стихов Вергилия.

Он сам опустил три стекла, высунул в окна три детских головы и прикрыл затылки синими занавесками, повторяя:

— Если вы только пошевелинетесь, вы целое лето будете лишены прогулок. И знайте, я никогда не прощаю.

И он повернулся к молодой женщине, засучивая рукава сутаны.

Она стонала по-прежнему, а временами вопила. Аббат, весь побагровев, старался помочь ей, увещевал и утешал ее и в то же время непрерывно бросал взгляды на трех ребят, которые норовили тайком взглянуть на загадочное занятие своего нового воспитателя и быстро отворачивались снова.

— Господин де Воласелль, вы переписете двадцать раз глагол «ослушаться»! — кричал он.

— Господин де Бридуа, вы останетесь без сладкого на целый месяц!

Непрерывные стоны молодой женщины вдруг прекратились, и почти в ту же секунду странный слабый крик, похожий не то на лай, не то на мяуканье, заставил всех трех школьников разом повернуться: они были убеждены, что это новорожденный щенок.

Аббат держал на руках совершенно голого ребенка и смотрел на него испуганными глазами. Он, казалось, был и доволен и огорчен, не знал, смеяться ему или плакать; лицо его быстрой игрой глаз, губ и щек выражало столько переживаний, что его можно было принять за сумасшедшего.

Он заявил, словно сообщая воспитанникам важную новость:

— Это мальчик!

И тут же продолжал:

— Господин де Саркань, передайте мне бутылку с водой, которая лежит в сетке. Так. Откупорьте ее. Очень хорошо! Налейте мне несколько капель на ладонь, только несколько капель! Великолепно!

И он вылил эту воду на голый лобик маленького существа, которое держал в руках, произнося:

— Крещу тебя во имя отца и сына и святого духа! Аминь!

Поезд входил под своды Клермонского вокзала. В окне показалось лицо г-жи де Бридуа. Тогда аббат, совсем потеряв голову, протянул ей хрупкое человеческое существо, которое он только что принял, и пробормотал:

— Тут с дамой случилось в дороге маленькое происшествие.

По его виду можно было подумать, что он подобрал этого ребенка в сточной канаве; волосы аббата слиплись от пота, белое жабо съехало на плечо, сутана была вся в пятнах. Он непрерывно повторял:

— Они ничего не видели. Ровно ничего. Я ручаюсь за это. Они все время смотрели в окно! Я ручаюсь! Они ничего не видели!

И он вышел из купе с четырьмя мальчиками вместо трех, за которыми его послали, а г-жа Бридуа, г-жа де Воласелль и г-жа де Саркань, бледные, растерянно переглядывались и не знали, что сказать.

Вечером все три семейства обедали вместе, чтобы отпраздновать приезд школьников на каникулы. Но разговор не клеился: у отцов, у матерей и даже у детей был озабоченный вид.

Вдруг самый младший из мальчиков, Ролан де Бридуа, спросил:

— Мама, а где же аббат нашел этого ребеночка?

Мать уклонилась от ответа:

— Ешь и оставь нас в покое с твоими расспросами!

Он помолчал несколько минут затем продолжал:

— В вагоне ведь никого не было, кроме той дамы, у которой болел живот. Значит, аббат — фокусник, как Робер Уден[2], который достал банку с рыбками из-под ковра.

— Замолчи! Это господь бог послал ребенка.

— А куда же господь бог положил его? Я ничего не видал. Он влетел в другое окошко? Скажи!

— Довольно об этом! Замолчи! Он лежал под кочаном капусты, как все маленькие дети. Ты же это хорошо знаешь.

— Но в вагоне не было капусты!

Тогда Гонтран де Воласелль, слушавший с лукавым видом, улыбнулся и сказал:

— Нет, один кочан там был. Но видел его только господин аббат.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 24 марта 1885 года.

1 Стояли последние дни июля — школьные каникулы Франции продолжаются с 1 августа по 1 октября.

2 Робер Уден (1805—1871) — французский фокусник. Здесь речь идет о каком-то позднейшем фокуснике 80-х годов, принявшем это имя.